

История колонии «Маурисио»:

два свидетельства

Эдгардо Заблоцки

(Университет СЕМА, Буэнос-Айрес)¹

Введение

В 1891 г. барон Морис де Гирш основал Еврейское колонизационное общество (ЕКО) для осуществления крупнейшего социального эксперимента — массовой эмиграции евреев из Российской империи в Аргентину и поселения их в сельскохозяйственных колониях.

Колония «Маурисио»² вблизи города Карлос Казарес в провинции Буэнос-Айрес возникла в этом же году на первых землях, приобретенных ЕКО в Аргентине. Они располагались во влажных пампасах и были плодородны, тогда как колонии, основанные позже, находились на периферии пампасов, где преобладали бедные почвы. «Маурисио» полностью соответствовала идеалу де Гирша, который в интервью, данном газете *The New York World* в 1892 г., заявил:

«Эти изгнанники так бедны, что, если обеспечить их орудиями труда и научить работать на земле, они вырастят урожай, который прокормит их семьи и принесет прибыль. У меня нет никаких сомнений, что переселенцы воспользуются этой возможностью».

Однако в действительности все было далеко не так, колония довольно быстро стала приходить в упадок, и к 1930 г. от нее остались одни воспоминания. Что же произошло?

Мы попытаемся реконструировать историю «Маурисио», основываясь на двух дополняющих друг друга источниках — «Воспоминаниях» Бориса Гарфункеля [9], одного из наиболее известных переселенцев, и историческом обзоре, составленном Деметрио Арановичем [3], первым русским евреем, ставшим в Аргентине доктором и лечившим колонистов в начале XX в.

Борис Гарфункель родился в 1866 г., эмигрировал в Аргентину с одной из первых групп переселенцев ЕКО. Он поселился в «Маурисио»

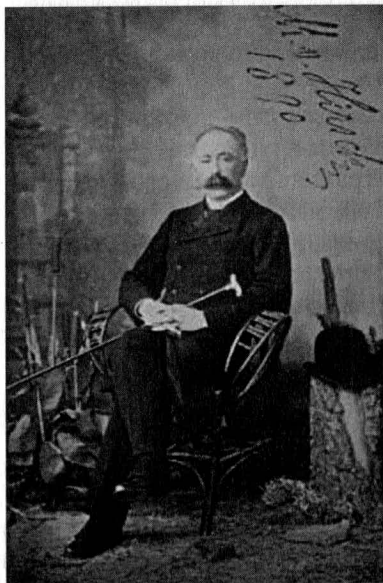
и работал в колонии в течение первых 15 лет ее существования. Переехав в Буэнос-Айрес в 1906 г., открыл мебельный магазин и со временем стал видным деятелем деловых кругов страны.

В противоположность большинству иммигрантов-колонистов, Гарфункель покинул Россию не по экономическим причинам — он был там богатым и образованным человеком. Эмиграция была его собственным выбором и соответствовала идеалам, унаследованным с юношеских лет. Он хотел стать земледельцем на Святой Земле, и проект де Гирша соответствовал осуществлению его мечтаний, правда, в другой части света. Вместе с семьей он прошел в «Маурисио» через все трудности и испытания, связанные с жизнью в колонии, и его мемуары являются не только свидетельствами рядового очевидца, но и критически настроенного наблюдателя, что делает их особенно ценными.

Деметрио Аранович родился в Таганроге 20 октября 1871 г. и умер в Буэнос-Айресе 21 июня 1945 г. Он окончил гимназию в Николаеве, что было необычно для еврейского юноши того времени. В 1896 г. начал работать в ЕКО, уехал в Аргентину и стал секретарем администрации колонии «Клара» в Виллагуэй (провинция Энтре Риос). Вскоре Аранович переехал в Буэнос-Айрес и поступил на медицинский факультет местного университета. В 1903 г. получил диплом доктора и в следующем году снова стал работать в ЕКО, теперь уже в качестве врача в «Маурисио». После истечения годичного контракта Аранович поселился в г. Карлос Казарес, где продолжал врачебную практику до ноября 1916 г. Переехав в Буэнос-Айрес, он в течение следующих 30 лет работал в госпитале *Israelita Ezra*, став в конце концов его президентом. Аранович был членом Социалистической партии и видным деятелем столичной еврейской общины. Его исторический обзор, опубликованный в 1931 г. и содержащий детальные статистические данные, помогает понять экономику колонии, особенно в период после 1906 г., который не был освещен в мемуарах Гарфункеля.

Барон де Гирш и благотворительность

Барон Морис де Гирш родился в богатой семье в Мюнхене 19 декабря 1831 г. [2]. Его финансовые и организационные способности ярко проявились при строительстве железных дорог в Австрии, России и Турции, концессии на которые он получил от правительств этих стран. Занимаясь железнодорожным бизнесом в течение 25 лет, он сколотил громадное состояние, точные размеры которого неизвестны. Adler-Rudel оценивает его между 14 и 30 миллионами фунтов стерлингов [2]. Богатство само по себе не привлекало де Гирша, он хотел использовать его в филантропических целях, при этом его интересовали не простые пожертвования,

Барон Морис де Гириш, 1890

а крупномасштабные проекты. При их осуществлении он проявлял ту же жесткость и настойчивость, что и при строительстве железных дорог. В 1887 г., вскоре после смерти единственного сына Люсьена, де Гириш решил отойти от дел и посвятить остаток жизни филантропии. Отвечая на одно из многочисленных соборознований, он писал: «Я потерял сына, но не наследника. Мой наследник — гуманность» [2].

Взгляды барона на филантропию отражены в различных источниках. Так, на следующий день после его смерти в некрологе, опубликованном в венской газете *Neues Wiener Tageblatt*, было сказано: «Его филантропия имела важное значение не из-за ее размеров, а из-за практического

подхода, целью которого было экономическое восстановление» [10]. На это же указывал и Adler-Rudel: «Одним из немногих еврейских филантропов в Западной Европе, который стремился помочь восточноевропейским евреям не подачками, а конструктивными планами, подкрепленными значительными финансовыми ресурсами, был отпрыск немецких евреев, барон де Гириш» [2].

А. Голдхафт, бывший студент основанной де Гиришем сельскохозяйственной школы в Вудбайне, Нью-Джерси, писал: «Как филантроп, барон опережал свое время. В книгах по истории пишут, что большинство его попыток решить еврейский вопрос окончились неудачей и что миллионы долларов были потрачены впустую. Но можно ли найти какую-то меру таким попыткам? Возможно, что некоторые из основанных им колоний не достигли впечатляющих успехов и большинство из них закончились неудачей, но его усилия изменили мою жизнь и жизнь многих других людей» [10].

На сайте ЕКО можно прочитать и сегодня: «Гириш отрицал традиционную благотворительность с ее упором на распределение пожертвований как средство облегчения положения. Он был уверен, что сможет обеспечить будущее русских евреев, предоставив им возможность заниматься продуктивным трудом и, таким образом, стать независимыми членами общества».

Гириш и сам высказывал эту точку зрения. Так, выступая в 1873 г. перед Советом Alliance Israélite Universelle, он заявил: «Во время моих неоднократных поездок в Турцию меня поразили бедность и невежество еврейских масс в стране... Прогресс не коснулся их, бедственное положение этих людей было следствием отсутствия образования, и только образование и профессиональное обучение молодого поколения смогут улучшить эту печальную ситуацию» [10]. Показательна в этом отношении и статья, опубликованная Гиришем в июле 1891 г. в *The North American Review*. Он, в частности, писал: «Я решительно против старой системы пожертвований, которая плодит еще больше нищих, и считаю, что главной задачей филантропии является создание человека, способного добиться успеха и стать полезным членом общества» [11]. Этому и была посвящена вся его филантропическая деятельность.

История «Маурисио» по материалам «Воспоминаний» Б. Гарфункеля (1891–1906)

Б. Гарфункель покинул Каменец-Подольск 1 июля 1891 г. На diligence он пересек русско-австрийскую границу и достиг Черновцов. Отсюда на поезде проследовал в Берлин и затем — в Гамбург. Второго августа Борис вместе с 236 эмигрантами погрузился на борт парохода «Петрополис», который пришвартовался в Буэнос-Айресе 4 сентября. Вновь прибывших разместили в гостинице и через неделю доставили поездом в г. Карлос Казарес. Проведя ночь в переоборудованном под ночлежку складе, 11 сентября, после двухчасового путешествия на повозках, переселенцы достигли местечка Алгарробос, где находилась администрация колонии. Преодолев последние пять километров пути, колонисты прибыли наконец на место. Здесь не было никаких домов, а только три ряда палаток, в которых жили первые иммигранты, приехавшие месяцем раньше. На земле были сделаны разметки для новых палаток, которые новые колонисты должны были поставить сами.

В первый день в «Маурисио» Гарфункели были приглашены на обед семьей Полак. Во время обеда глава семейства рассказал об условиях, с которыми они столкнулись здесь: голое поле, отсутствие молока для детей и дров, вместо которых использовался кизяк.

В оставшиеся месяцы 1891 г. переселенцы продолжали жить в палатках, ожидая обещанных земельных наделов. Было очевидно, что они прибыли на место, где почти ничего не было подготовлено к их приезду. Среди колонистов росло чувство недоверия к администрации ЕКО, появилось даже подозрение в ее коррумпированности и неумении вести

дела. Гарфункель записал в своем дневнике: «День проходил за днем, и чувство неопределенности все нарастало. Недовольство усугублялось бездействием и сознанием того, что мы едим не заработанный хлеб. Так мы думали, во всяком случае. В действительности, как выяснилось позднее, каждый цент был на учете. ЕКО рассматривало всё это как часть кредита, предоставленного нам в первый год пребывания в колонии». Вскоре последовал первый «мятеж» поселенцев. Дело в том, что многие из них приехали в Аргентину, оставив семьи в России без средств к существованию, в надежде вскоре соединиться с ними на новой родине. При полном бездействии в «Маурисио» они не могли помочь родным в России и потребовали от администратора колонии предоставить им работу.

Последний уверил «революционеров» (так называл их в дневнике Гарфункель), что запросит необходимые инструкции у директора ЕКО в Буэнос-Айресе. Через несколько дней в Алгарробос прибыла повозка с лопатами. Иммигранты, чьи семьи оставались в России, должны были заняться ремонтом дороги, ведущей в Карлос Казарес, и получать за это два доллара в день. Администратор назначил бригадиров из работников ЕКО, которые распределяли задания и следили за их выполнением. Не обошлось без нарушений порядка как со стороны бригадиров (не все они были неподкупны), так и некоторых колонистов, которые хотели увильнуть от такой работы.

Вечером 26 декабря колонию постигло стихийное бедствие — на нее обрушился ураган, который полностью уничтожил лагерь. Погибли женщина и ребенок, многие были ранены. Это послужило причиной нового взрыва недовольства. В январе директор ЕКО в Буэнос-Айресе А. Левенталь попытался сместить администратора колонии Гурделя, но, встретив упорное сопротивление последнего, оставил эти попытки. Администратор представил свои объяснения, почему колонисты до сих пор не имеют земельных наделов. Оказалось, что Левенталь приобрел земли в августе 1891 г., одновременно с прибытием первых колонистов в Буэнос-Айрес, однако на некоторых участках еще проживали прежние арендаторы, срок аренды которых истек только летом 1892 г. Поэтому, хотя ЕКО формально и владело землей, оно не могло немедленно распределить ее между переселенцами.

Вскоре вновь назначенный директор ЕКО в Аргентине полковник Голдшмит сместил Гурбеля и 12 мая 1892 г. сам приехал в колонию с твердым наказом барона де Гирша навести в ней порядок. Это намерение прозвучало в первой же речи Голдшмита, в которой он подчеркнул особый характер филантропии де Гирша. Директор обещал поддержку поселенцам, но пригрозил, что распустит колонию, если они будут отказываться от предложенной им работы. В частности, он сказал: «Мне

известны ваши желания и трудности. Когда я расставался с бароном, он просил передать вам, что предоставил колонии необходимые средства, но добавил, что если я обнаружу людей, не желающих работать, от них следует избавиться без малейших сожалений». По окончании речи группы колонистов стали собираться за оградой административного здания и громко выкрикивать свои требования. Энергичная реакция директора не заставила себя ждать: «Я требую от вас спокойствия, дисциплины и уважения. Спешка, противопоказанная любому начинанию, нетерпение и возмущение должны быть забыты. Барон послал меня сюда для наведения порядка, и я выполню его наказ. Те, кто не согласен с этим, будут исключены из колонии. Они могут просить билеты в любую страну, за исключением России, и получают их бесплатно. Скатертью дорога, и чем быстрее, тем лучше! Нетерпеливые и трусы должны уйти, но тем, кто обладает моральной силой для преодоления трудностей и верой в свою судьбу, я говорю: скоро палаточный городок будет свернут и люди станут жить в домах на своей земле. Долговые книжки, по которым семьи получали продукты в магазине ЕКО, будут упразднены. Вы получите ежемесячный кредит в зависимости от числа иждивенцев в семье и сможете тратить его по своему усмотрению. Дорогие друзья, ваша судьба — в ваших руках!»

Эта речь означала полную реорганизацию колонии — желающие ее покинуть были вольны сделать это. Их запись началась сразу же после речи директора, и в списке оказалось около 300 переселенцев из примерно 2500 членов колонии. Они получили бесплатные железнодорожные и пароходные билеты в страны по своему выбору, за исключением России, въезд в которую, согласно соглашению между царским правительством и де Гиршем, был им воспрещен.

Помимо этого, те колонисты, которые проявили халатность, нежелание или полное неумение работать, были исключены из колонии. Наличие таких людей было неудивительно, так как ЕКО не делало никакого отбора кандидатов перед отправкой их в Аргентину. Выявление «нежелательных» элементов было поручено инспекторам ЕКО (Гарфункель называл их «шпионами»), которые были не всегда объективны в своих оценках.

Несмотря на отдельные издержки, состав колонии значительно укрепился и стал более соответствовать той нелегкой задаче, которую ему предстояло решать.

В мае 1892 г., две недели спустя после отъезда из колонии полковника Голдшмита, новый администратор Вулф приступил к наделу колонистов земельными участками, размеры которых составляли от 80 до 100 гектаров. Помимо земли, каждая семья получила ручной плуг, борону, лопату, четырех быков, корову с телятком, четырех лошадей и семена для посева. Отмена долговых книжек, закрытие магазина ЕКО, выдача

денежных кредитов вселяли в иммигрантах чувство независимости и в то же время налагали на них определенные обязательства, которых прежде не было.

Начиная с 1893 г., жизнь колонии приобрела конкретные очертания. До лета 1892 г. ЕКО снабжало колонистов дешевым мясом, стоимость которого вносилась в их долговые книжки. Начав выплачивать колонистам ежемесячную ссуду, ЕКО отказалось от этой практики, и переселенцы должны были покупать мясо по более высоким ценам в поселках, куда еще надо было добираться, проделав изрядный путь. Для решения «мясного» вопроса колонисты наняли в 1893 г. владельцев двух фургонов, которые закупали мясо оптом в окрестных лавках и развозили его по фермам.

В декабре 1893 г. Гарфункель и пять его соседей приобрели уборочную машину, которой могли пользоваться и другие фермеры. Это было первое капитальное вложение, сделанное колонистами для увеличения производительности труда.

В колонии были открыты две школы — в Алдарробосе и Алис, расположенные довольно далеко от ферм, и ученикам приходилось преодолевать значительные расстояния либо пешком, либо верхом на лошадях. Программы обучения соответствовали принятым в провинции Буэнос-Айрес, — математика, испанский язык, история и география Аргентины. Помимо этого, преподавался иудаизм. Учителями были выпускники школ в Турции и на Среднем Востоке, которые получали зарплату от Alliance Israélite Universelle. Знание испанского и идиш было для них обязательным.

Центральным событием 1895 г. было заключение контрактов с ЕКО. В его первоначальном варианте были следующие положения: «Срок действия контракта — 12 лет. За это время должна быть выплачена стоимость земли, инвентаря, оборудования и ссуд, полученных от ЕКО. Ежегодный урожай должен быть доставлен на зернохранилища ЕКО в Карлос Казаресе или другом пункте, указанном администрацией. Из денег, вырученных от его продажи, будет сделан ежегодный вычет в счет погашения ссуд ЕКО. В случае плохого урожая этот платеж может быть перенесен на следующий год. По истечении контракта колонист должен полностью погасить свой долг ЕКО. Во время действия контракта колонист не может покинуть ферму или передать ее кому-то, кто не является членом колонии. В любое время колонист может быть исключен из колонии без компенсации, если он, по мнению администрации, в силу нерадивости не в состоянии выплачивать свой долг ЕКО».

Колонисты не согласились с пунктами контракта о выселении без компенсации и невозможности передачи ферм в другие руки и отпра-

вили двух делегатов в Буэнос-Айрес на встречу с директорами ЕКО. Один из них, Д. Казес, заявил следующее: *«ЕКО должно быть уверено, что его цели, сформулированные бароном де Гиршем, будут достигнуты. Мы даем вам понять, что ЕКО пресечет все попытки извлечь коммерческую выгоду из владения землей»*. Делегаты приняли этот аргумент, но по-прежнему были не согласны с правом администрации выселять колонистов с их ферм, так как, по их мнению, администраторы не всегда были объективны. В частности, делегаты заявили: *«Недоверие ЕКО в связи с возможной передачей земель в другие руки окажет скорее отрицательное, чем положительное влияние на жизнь колонистов, так как никто не может свободно трудиться, связанный жесткими ограничениями в своих мыслях и поступках»*. Интересно отметить, что о такой свободе говорят люди, лишь недавно покинувшие Россию, где они были совершенно бесправны.

По возвращении делегатов в «Маурисио» колонисты отправили письмо де Гиршу с просьбой об изменении некоторых условий контракта. Хотя они не получили ответа от барона, им был выслан новый контракт, который увеличивал срок его действия до 20 лет и содержал некоторые другие уступки переселенцам. Это позволило им подписать документ и таким образом легализовать свое положение.

В 1896 г. умер де Гирш. Гарфункель пишет об этом: *«Колонисты почувствовали себя осиротевшими. Испытывая горечь утраты, мы все же недооценивали масштаб работы, проделанной этим человеком. Созданная организация (ЕКО. — Э. З.) оказалась жизнеспособной и после смерти ее основателя. Идея влить еврейскую кровь в жизнь диких аргентинских степей успешно осуществлялась последователями барона»*.

В 1897–1900 гг. в колонии было введено много новшеств, включая приобретение молочных коров, что способствовало диверсификации фермерских хозяйств. Удои достигали 10 литров в день, и колонисты продавали молоко маслобойне, построенной частной компанией в «Маурисио».

Около 1900 г. переселенцы занялись разведением крупного рогатого скота, что было весьма своевременным из-за невысоких урожаев зерновых в те годы. Новый вид деятельности вызвал необходимость выращивать кормовой клевер, ранее неизвестный в этих краях.

В 1906 г. Гарфункель решил оставить колонию и переселиться в Буэнос-Айрес, что и сделал в 1908 г. после длительных разбирательств с ЕКО. Он вспоминал: *«Когда я с семьей переехал в столицу, ЕКО потребовало, чтобы я выполнил все условия контракта, одно из которых запрещало покидать колонию в течение 20 лет. Я мотивировал свое решение тем, что не продал свою ферму, а сдал ее в аренду, на что ЕКО ответило, что, согласно контракту, каждый колонист должен работать на своей*

ферме, поэтому сдача ее в аренду является неприемлемой». Гарфункель подал в суд, но дело не дошло до разбирательства, так как ЕКО решило прекратить тяжбу. Гарфункель продолжал: «Печально, что многие колонисты последовали моему примеру, хотя причины, которые руководили ими, были, как правило, отличными от моих³. Было больно сознавать что в глазах ЕКО мой уход из колонии стал плохим примером для других переселенцев».

Исторический обзор Деметрио Арановича

Колония «Маурисио» считалась в Аргентине одной из самых процветающих, но к 1930 г. практически прекратила свое существование. Почему иммигранты расстались с полученной землей, почему распалась колония? Чтобы ответить на эти вопросы, Аранович составил исторический обзор «Маурисио» за 1891–1931 гг., основанный, главным образом, на официальных публикациях ЕКО (ежегодники, информационные бюллетени).

Тот факт, что Аранович, в противоположность Гарфункелю, не был колонистом, исключает субъективность в его оценке событий. К тому же, живя в колонии в 1904 г., а затем в Карлос Казаресе в 1905–1914 гг., он близко общался со многими колонистами. Его обзор дополняет воспоминания Гарфункеля в двух отношениях: он более объективен и аналитичен и охватывает период постепенного упадка колонии (1906–1931).

Ниже мы приводим данные Арановича, сгруппированные в хронологическом порядке и дополненные в ряде случаев нашими комментариями. Поскольку события до 1905 г., описанные Гарфункелем и Арановичем, в основном совпадают, мы начинаем хронику последнего с 1905 г.

1905

Число колонистов (т. е. глав семей) достигло 186 (на 22 больше, чем в 1903 г.), общее население колонии составило 2118 человек и увеличилось более чем в два раза по сравнению с 1900 г. Колония привлекала новых иммигрантов процветающим хозяйством и близостью к Буэнос-Айресу.

Возделывалось 14 679 га земли, из них 10 300 га под пшеницей, урожай которой составил 460 кг/га. Размеры полей под пшеницей увеличились почти вдвое по сравнению с предыдущим годом.

Успешно развивалось скотоводство. Колонисты покупали и за 3–4 месяца откармливали бычков для продажи на скотобойни в Буэнос-Айресе. Это значительно увеличило приток денег в колонию.

Многие приобрели новые плуги. По словам Арановича, «у колонистов появились деньги».

1906–1907

Число колонистов продолжало увеличиваться, достигнув 200, все население колонии составило 2318 человек (увеличение на 10 % по сравнению с 1905 г.).

Пшеница давала отличные урожаи. Вдобавок колонисты стали сеять овес, урожайность которого достигала 560–730 кг/га.

Наиболее прибыльным стало выращивание клевера на семена. Под ним было занято 15 847 га, и общий урожай семян составил 180 т, в полтора раза больше, чем в 1905 г.

Колонисты продолжали выплачивать ссуды ЕКО и в то же время приобретали новое оборудование (плуги, сеялки). Тягловые быки были заменены лошадьми. Аранович отмечает: «Годы 1906 и 1907 были отмечены благополучием и процветанием», но все-таки впервые выражает сомнения в будущем «Маурисио» как еврейской сельскохозяйственной колонии. Мнение Арановича основывалось на отчете за 1907 г. бывшего директора ЕКО Д. Казеса Совету директоров в Париже. В нем указывалось, что колонисты владеют огромными земельными наделами, купленными у ЕКО по низким ценам, которые значительно выросли за последние годы. По словам Арановича, возможность продать ферму за большие деньги и вложить их в бизнес, далекий от сельского хозяйства, послужила главной причиной того, что «Маурисио» с годами перестала быть еврейской колонией.

1908

Число иммигрантов-переселенцев достигло 243.

Несмотря на высокие рыночные цены на землю, вновь прибывавшие колонисты получали наделы не менее 150 га на семью.

Площади под клевером возросли до 18 953 га.

Если раньше колонисты выращивали на продажу овощи и фрукты, то теперь, по словам Арановича, «они утратили интерес к таким мелочам».

1909

В колонии — четыре школы, в которых преподавали 18 учителей и было 407 учеников. Количество школ и учителей удвоилось по сравнению с 1904 г., число учащихся возросло на 38 %.

Созданный ЕКО в 1906 г. кооператив Israelite Agricultural Centre не пользовался большой популярностью у колонистов, которые стали финансово независимыми и не нуждались в посреднике, представлявшем их интересы.

Колонисты приобрели сепараторы и стали отправлять сливки и сметану в Буэнос-Айрес и Чивилкой. Согласно Арановичу, 113 членов колонии купили это оборудование, что свидетельствовало о росте благосостояния колонистов.

1910

Население колонии достигло максимума — 3077 человек.

Посевы клевера увеличились на 3979 га и составили 25 557 га.

Молочное производство расширилось — были куплены три новых сепаратора.

Два колониста подали в суд на ЕКО с целью получить документы на владение землей. Суд отклонил их требования, сопроводив свое решение следующим заявлением: «Контракт не является пропускным билетом для продажи, но добровольным обязательством уважать традиции и цели, которые преследовало ЕКО, создавая исключительно еврейские сельскохозяйственные поселения и исключая возможности любых коммерческих спекуляций». Это событие нашло отражение в ежегодном отчете ЕКО за 1910 г.: «В „Маурисио“ цены на землю почти удвоились, и спекулянты всех мастей жаждут скупить их. Они побуждают колонистов требовать документы на владение землей, предлагая им деньги для выплаты оставшейся ссуды. Продав фермы, колонисты переселятся в города и займутся другим бизнесом. Их и наши двадцатилетние усилия пропадут впустую».

1911–1913

В 1913 г. посевы под пшеницу возросли, но урожайность была низкой (320 кг/га). В этом же году перепроизводство клевера вызвало падение цен на него. В результате часть посевов клевера осталась неубранной, уменьшились его посевные площади. Вместе с неурожаем пшеницы это создало финансовые трудности для колонистов, которые сократили закупку орудий производства (плугов, уборочных машин). В то же время возросла роль животноводства — число питьевых резервуаров для скота достигло 84.

В 1911 г. в колонии было пять школ, 20 учителей и 369 школьников.

В 1912–1913 гг. 14 колонистов, выплативших ссуды, получили документы на владение землей и, таким образом, формальное право на ее продажу.

1914–1918

Так как ЕКО не публиковало ежегодных отчетов во время войны, в обзоре Арановича эти годы пропущены.

1919

Сократились посевные площади, но урожайность пшеницы, овса и кукурузы была высокой (430, 630 и 1900 кг/га соответственно). Площади под подсолнечником, который впервые появился в «Маурисио» в 1918 г., достигли 1359 га.

Молочное хозяйство стало основой экономики колонии, вытеснив производство мяса.

В 1914–1919 гг. 70 колонистов, выплатив ссуды ЕКО, получили документы на владение землей, и их общее число составило 84. Двадцать семь из них продали свои фермы не членам колонии.

1920

В стране начался кризис животноводства, значительно упали цены на мясо, что существенно уменьшило доходы колонистов.

23 колониста получили документы на владение землей. Их общее число достигло 117, из них 86 продолжали жить в колонии.

1921

Этот год, как и предыдущий, был отмечен хорошим урожаем зерновых и кукурузы. Урожайность пшеницы была 530 кг/га, овса — 620 кг/га, кукурузы — 1760 кг/га.

Кризис в животноводстве достиг пика, значительно сократив доходы колонистов и их платежеспособность. Необходимость продавать скот по бросовым ценам для погашения кредитов разорила многих колонистов.

Те из них, кто не рассчитался с ЕКО в этом году (около 100 человек), должны были продолжать выплаты. Те, кто погасил ссуды (их было 27 человек), стали владельцами земли, увеличив их число до 144.

В колонии оставалось пять школ, число учителей сократилось до восьми, учеников — до 284, что свидетельствовало о дальнейшем упадке «Маурисио».

1922

Затяжной кризис в животноводстве заставил колонистов увеличить посевы пшеницы, кукурузы и подсолнечника и резко сократить площади, занятые под клевером.

19 колонистов стали землевладельцами, увеличив их число до 163; еще 12 должны были выплатить ссуды до конца года. В связи с этим ЕКО упразднило должность администратора, и один из директоров Общества лишь время от времени совершал инспекционные поездки в «Маурисио». Колония полностью встала на ноги, но ее развитие отличалось от того, которое было задумано де Гиршем. Аранович отмечал:

«В течение последних лет в колонии отсутствовал дух сотрудничества и общие интересы».

1923

Несмотря на засуху, экономическое положение колонии улучшилось. Значительно увеличились площади под клевером, достигнув 25 000 га.

Число землевладельцев возросло до 180.

1924–1925

Начался выход из кризиса в животноводстве. Колонисты продали 2,6 миллиона литров молока и увеличили продажу мяса.

1926–1929

В 1926 и 1928 гг. были высокие урожаи кукурузы. Аранович отмечает, что «статистические данные об урожайности указывают на то, что земли в „Маурисио“ далеки от истощения и до сих пор сохраняют высокое плодородие».

Число землевладельцев в 1927 г. было 210, в 1928 г. — 215.

1930

В колонии значилось 268 колонистов, из них 232 имели документы на владение землей. 130 землевладельцев продали частично или полностью свои фермы, а 60 сдавали их в аренду. Аранович указывал, что «это последние официальные данные о колонии, которые свидетельствуют о том, что она больше не является еврейской», так как большинство новых владельцев и арендаторов не были евреями.

1931

Согласно Арановичу, в «Маурисио» было 270 колонистов — владельцев земли, из них 60 продали свои наделы целиком и 70 — частично. 100 колонистов сдавали свои фермы в аренду, 55 работали на них, но не жили в колонии постоянно, и только 65 и жили, и работали на собственных фермах.

Выводы

Аранович так сформулировал причины распада и исчезновения колонии:

«Качество человеческого материала, т. е. колонистов, большинство которых не имели опыта работы в сельском хозяйстве и считали ее родом повинности. Они рассматривали обретение экономической независимости как предпосылку того, чтобы расстаться с сельским образом жизни

и уехать в город. За редкими исключениями, колонисты не использовали деньги от продажи ферм с пользой для себя и обычно кончали тем, что оставались и без собственности, и без денег. В зрелом возрасте они были в том же положении, что и до вступления в колонию; некоторые возвращались в нее в качестве наемных работников».

Конечно, многие колонисты в душе не были фермерами, но одно это не объясняет причину распада «Маурисио». Желание изменить образ жизни может служить толчком к уходу из колонии при условии, что для этого существуют другие, в том числе и экономические, предпосылки.

«Дети многих колонистов получили гуманитарное образование и стремились найти применение своим знаниям в Буэнос-Айресе и других крупных городах».

Образование и благополучие детей было целью большинства иммигрантов не только в «Маурисио», но и в других колониях. «Мы сеяли пшеницу, а пожинали докторов», — говорили поселенцы. Но то, что колонию оставляли не только молодые люди, но и целые семьи, свидетельствовало о серьезных экономических причинах.

«Некоторые колонисты были вынуждены продать часть своих земель, чтобы расплатиться с ЕКО, хотя оно могло бы предотвратить подобную распродажу».

Это утверждение Арановича справедливо лишь отчасти. Для расширения операций, особенно в животноводстве, колонистам требовались большие ссуды, которые с начала XX в. можно было взять у ЕКО, в банке или у спекулянтов — скупщиков земли. Несмотря на то, что Общество предоставляло их на льготных условиях, некоторые колонисты получили ссуды из всех трех источников, не предвидя возможных колебаний рыночных цен. Когда в 1921–1922 гг. цены на мясо катастрофически упали, многие переселенцы очутились в крайне тяжелом положении и должны были частично или полностью продать свои земли для того, чтобы расплатиться с кредиторами, будь то ЕКО, банк или земельные спекулянты.

«ЕКО ошибочно занизило продуктивность земель в „Маурисио“, поэтому колонисты были наделены слишком большими участками, во много раз превосходившими нужды одной семьи. Необычайно высокие цены на землю стали главным стимулом к ее продаже».

Информация, представленная в обзоре Арановича, полностью подтверждает это положение. У колонистов была возможность получить капитал от продажи земли, и они ею воспользовались, что и послужило главной экономической причиной упадка и в конечном счете исчезновения «Маурисио» как еврейской колонии.

Литература

1. Adler Elkan. Jews in Many Lands. The Jewish Publication Society of America, 1905.
2. Adler-Rudel S. Moritz Baron Hirsch // Yearbook VIII, Leo Baeck Institute. London, 1963.
3. Aranovich Demetrio. Colonia Mauricio. Reseña Histórica // Mundo Israelita 444, 445, and 446; December 12, 19, and 26, 1931. Reprinted in: Breve Historia de la Colonia Mauricio. Editora del Archivo, Archivo Histórico Antonio Maya. Carlos Casares, February 2002.
4. Avni Haim. Argentina y la Historia de la Inmigración Judía, 1810–1950. Editorial Universitaria Magnes, Hebrew University of Jerusalem, 1983.
5. Avni Haim. La Agricultura Judía en la Argentina, Éxito o Fracaso? // Desarrollo Económico 22 (88), January–March 1983.
6. Colonia Mauricio, 100 Años. Publicación Oficial de la Comisión Centenario Colonización Judía en Colonia Mauricio, October 1991.
7. Dubnow Simón. History of the Jews in Russia and Poland. Philadelphia, 1918.
8. Elkin Judith. The Jews of Latin America. New York: Holmes & Meier Publishers Inc., 1998.
9. Garfunkel B. Narro mi Vida. Buenos Aires, 1960.
10. Grunwald K. Turkenhirsch. A Study of Baron Maurice de Hirsch, Entrepreneur and Philanthropist. Israel Program for Scientific Translations, Jerusalem, Israel, 1966.
11. Hirsch Baron Maurice de. My Views on Philanthropy // North American Review 153 (416), July 1891.
12. Hirsch Baron Maurice de. Refuge for Russian Jews // The Forum 11, August 1891.
13. Joseph Samuel. History of the Baron de Hirsch Fund, 1935. Reprinted by Augustus M. Kelley Publishers. New Jersey, 1978.
14. Lee Samuel. Moses of the New World: The Work of Baron de Hirsch. Thomas Yoseloff Publisher, Cranbury, New Jersey, 1970.
15. Schallman Lázaro. Los Pioneros de la Colonización Judía en la Argentina. Congreso Judío Latinoamericano, Buenos Aires, 1971.
16. Schallman Lázaro. Historia de los Pampistas. Congreso Judío Latinoamericano, Buenos Aires, 1971.
17. Sigwald Carioli Susana. Colonia Mauricio de Carlos Casares. Objetivos Empresarios y Realidades Humanas. Centro Cultural José Ingenieros, Archivo Histórico Antonio Maya. Carlos Casares, July 1987.
18. Sigwald Carioli Susana. Historia de Barbas y Caftanes. Centro Cultural José Ingenieros, Archivo Histórico Antonio Maya. Carlos Casares, March 1991.
19. Sigwald Carioli Susana. Colonia Mauricio, Génesis y Desarrollo de un Ideal. Second edition. Editora del Archivo. Centro Cultural José Ingenieros, Archivo Histórico Antonio Maya. Carlos Casares, October 1991.
20. Zablotsky Edgardo. Philanthropy vs. Unproductive Charity. The Case of Baron Maurice de Hirsch // Working Paper 264, Universidad del CEMA, May 2004.
21. Zablotsky Edgardo. The Project of Barón de Hirsch. Success or Failure? // Working Paper 289, Universidad del CEMA, May 2005.

22. Zablotsky Edgardo. Filantropía No Asistencialista. El Barón de Hirsch en Primera Persona // Working Paper 464, Universidad del CEMA, September 2011.

23. Zablotsky Edgardo. Filantropía No Asistencialista. El Caso de los Pampistas // Working Paper 472, Universidad del CEMA, December 2011.

24. Zablotsky Edgardo. Filantropía No Asistencialista. Las Memorias de Boris Garfunkel sobre Colonia Mauricio // Working Paper 479, Universidad del CEMA, February 2012.

25. Zablotsky Edgardo. Filantropía No Asistencialista. La Reseña de Demetrio Aranovich sobre Colonia Mauricio // Working Paper 484, Universidad del CEMA, March 2012.

¹ Автор выражает признательность Институту Лео Бека (Лондон), Американскому Еврейскому историческому обществу и Институту YIVO за предоставление литературы; Susana Sigwald Carioli — за доступ к материалам архива Historico Antonio Maya в г. Карлос Казарес; Laura Benadiba — за доступ к материалам архива de Historia Oral de las Escuelas Tecnicas ORT; Patricia Allendez Sullivan — за помощь в составлении библиографии и Jorge Aliva a Juan Carlos de Pablo — за поддержку в работе.

Сокр. авторизованный перевод с англ. — Э. Зальцберга.

² На средства ЕКО в Северной и Южной Америке, главным образом в Аргентине, было создано несколько сельскохозяйственных колоний для евреев из Восточной Европы. Одной из них была «Маурисио», где жили переселенцы из России. По некоторым сведениям, она названа в честь основателя ЕКО барона Мориса де Гирша (Maurice de Girsch). В настоящее время ЕКО помогает еврейским организациям многих стран, включая Аргентину, в сфере образования и культуры.

О сельскохозяйственных колониях евреев из России в Аргентине см. также: Лемстер М. Гаучо из России. Русское еврейство в зарубежье. Т. 5 (10). Иерусалим, 2003. С. 14–28; Аргентина. Евреи России в зарубежье: Очерки истории / Автор-сост. и гл. ред. М. Пархомовский. Иерусалим, 2008. С. 552–568; Путь-това Э. Эмиграция евреев из России в Южную Америку в конце XIX — начале XX в. // Русские евреи в Америке (РЕВА). Кн. 3. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009. С. 9–23; Базаров В. Воспоминания старого колониста. Описание жизни и деятельности Йозефа Эйдемана за годы 1904–1951, прожитые им в Аргентине // РЕВА. Кн. 4. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 9–17; Гершунов А. Еврейские гаучо из пампасов // Там же. С. 26–32. — Примеч. ред.-сост.

³ Гарфункель отметил следующие причины отъезда из колонии: будущее детей, усталость от борьбы с несправедливостями администрации ЕКО и чувство выполненного долга. Он писал: «Я глубоко привязан к земле, на которой работал, и обещал себе, пока жив, не продавать ее. Совсем недавно, в 1959 г., я отклонил очередное выгодное предложение о продаже...»